

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ОТВЕТЫ НА СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

А.А. Гусейнов

*научный руководитель Института философии РАН, доктор философских наук, профессор,
Академик РАН, г. Москва, Российская Федерация
Email: guseynovck@mail.ru*

Статья посвящена экспликации концепта и сущностного содержания практической философии в контексте историко-философской эволюции её проблемного поля, а также актуальных вызовов современной философской мысли. В работе особое внимание уделено проблеме соотношения практической философии с теоретической, а также с нравственной и прикладной философией и философской практикой. Также автор делает акцент на том, что предметным ядром практической философии является область свободы.

Ключевые слова: философия, практическая философия, современные вызовы, прикладная философия.

Ландшафт современной философии напоминает старый запущенный сад, который, оставаясь долгие годы без присмотра, бурно и беспорядочно разросся во все стороны, в результате чего потерял свои первоначальные контуры. Это сравнение не покажется надуманным, если вспомнить, что еще в Академии Платона сложилась чёткая структура философии, состоящая из логики, физики и этики, про которую Кант писал, что она является окончательной и исчерпывающей, а современные философские факультеты включают десятки различных магистерских программ, всемирные философские конгрессы – ещё больше самостоятельных научных секций. Расширение философского знания и его расчленение на отдельные профессионально очерченные домены коснулось всего поля философии, но в особенности той его части, которая традиционно называлась этикой или практической философией. Этот процесс происходит наиболее интенсивно, начиная с последней трети XX века, когда стали появляться многочисленные прикладные этики, привязанные к отдельным областям общественной практики (этика бизнеса, биоэтика, экологическая этика и т.д.)

1. Первый и самый важный вызов, который встаёт в связи с таким расширением предмета, заключается в том, чтобы эксплицировать само понятие практической философии. Речь, разумеется, не сводится к тому, чтобы перебрать все значения его реального словоупотребления и выбрать наиболее точное из них. Задача иная: определить (обозначить) предмет, по поводу которого существуют разные понимания. Не знаю, задавался ли кто-нибудь подсчётом ответов на вопрос, что такое практическая философия, подобно тому, как суммируются определения культуры, умножающиеся, подобно снежному кому, число которых давно стало притчей во языцех гуманитарного мира. Уверен: какой-нибудь дотошный аналитик

насчитает десятки, а то и сотни таких определений. Они будут лишь разными суждениями (более точными, менее точными, совсем не точными, но именно суждениями) о том, что те, кто высказывает эти суждения, называют практической философией. А каков сам реальный предмет, который стоит за ними? Определениями чего являются эти десятки или сотни определений?

Обычный, явно или неявно подразумеваемый ответ гласит, что речь идёт об одной из двух частей философии, которая подразделяется на практическую и теоретическую; при этом практическая часть отождествляется с областью человеческих (субъективных) желаний и действий, а теоретическая – с областью безличных (объективных) знаний. Практическую и теоретическую философии обычно соотносят с тем, что в повседневном опыте обозначается как отличие дела от слова. Тогда, когда мы хотим добраться до практической философии через её соотнесённость с теоретической философией, мы, если можно так выразиться, находимся в правильном месте, стараемся увидеть её там, где следует. Но тогда, когда мы рассматриваем это соотношение как отрицание, противоположность, мы оказываемся во власти самого грубого заблуждения относительно интересующего нас вопроса. Так понятое двухчастное деление философии ведёт к противопоставлению субъекта и объекта, словно они существуют сами по себе как две самостоятельные реальности, субъект вне объективных знаний, а объект вне влияния субъекта. В действительности, однако, в деятельности (практике) человека наряду с его субъективным (сугубо человеческим, прагматичным миром желаний, целей, интересов и т.п.) обязательно, и при том, в качестве имманентного и критически важного момента присутствуют также объективные знания. Точно также знания (теория), сколь бы объективны они не были, всегда имеют субъективную форму, являются чьими-то знаниями. Это – казалось бы, азбучные истины диалектической философии, но мы забываем о них, когда говорим о различии практики и теории, приравнивая их к различию субъективно ограниченных целей и объективных знаний.

Конечно, практика и теория – вещи разнонаправленные. Но вместе с тем у них есть общий знаменатель, единая родовая основа – философия. Противопоставляя практическую философию теоретической философии, мы забываем, что то и другое есть философия. Ведь, становясь практической, философия не перестаёт быть

философией. Точно также она остаётся философией и тогда, когда является теоретической. Если философия, развивая своё содержание, изначально и едва ли не в качестве первого шага расчленяется на теоретическую и практическую части, то это лишь означает, что в её природе заложено и то, и другое, и практика, и теория.

Сама философия не является ни практикой в смысле определённого рода деятельности (ремесла, дела), ни теорией в смысле определённого рода умственных занятий (науки). Она имеет дело с соединением, совместной работой одного и другого, с тем, как ум направляет человеческую деятельность и как человеческая деятельность создаёт возможности для работы ума. Собственным предметом философии является постижение смысла существования человека, овладение тайной его жизни.

2. Важно отметить: само разделение практики и теории было осуществлено философами в рамках их основной установки, направленной на поиск этой тайной пружины, которая ведёт к достойному образу жизни. Деятельный (добродетельный, граждански-активный) образ жизни был выделен как практический, так как он являлся формой деятельности свободных людей, осуществляемой ради прекрасных целей. Теория в иерархии образов жизни стояла еще выше, так как она представляла собой созерцание прекрасного самого по себе; это – не просто интеллектуальная (мыслительная) работа, а именно образ жизни.

Аристотель так их и выстроил, назвав соответственно второй и первой эвдемонией. Особо надо отметить: для Аристотеля в рамках разделения теоретической и практической частей (аспектов) философии самым трудным было описание не того, что входит в ту и другую части, а того, каким образом реализуется их начальная генетическая связанность с философией. При характеристике практической философии как добродетельного образа жизни, для Аристотеля ключевым было обоснование того, как управляющая роль разума обнаруживается в случае единственности (и в этом смысле субъективности, замкнутости именно на данного индивида) добродетельного поступка, который именно в силу своей единственности принципиально не поддаётся обобщению [1, с. 182; 185]¹. А при анализе теории как принципиального отсутствия человеческой заинтересованности и субъективной ангажированности он столкнулся с неразрешимым вопросом о том, как объяснить её в качестве образа жизни [1, с. 283]².

Таким образом, прежде всего, необходимо подчеркнуть, что практическую философию ни в коем случае нельзя понимать, как приложение (распространение, применение) философии к практике, она есть сама философия в одной её ипостаси. Это, несомненно, так применительно к античной философии. В последующей истории картина была не столь ясной: практическая часть философии в средние века в значительной мере перешла к религии, а в Новое время к политике и праву. Но, тем не менее, и в эти эпохи практическая философия оставалась философской практикой в том отношении, что легальность поведения во всех индивидуальных и общественных формах предполагала также философскую санкцию.

3. Существует традиция, отождествляющая практическую философию с нравственной философией. Идущая от Аристотеля, она получает акцентированное

¹ Здесь, как говорит Аристотель, недостаточно рассудительности. Для постижения последней данности существует «не наука, а особое чувство, однако не чувство собственных (предметов чувственного восприятия), а такое, благодаря которому (в математике) мы чувствуем, что последнее (ограничение плоскости ломаной линией) это треугольник, ибо здесь и придётся остановиться. (Аристотель. Никомахова этика [EN,1142a]. «И ум тоже имеет дело с последними данностями, (последними) в обе стороны, ибо и для первых определений, и для последних данностей существует ум» (Аристотель. Никомахова этика [EN,1143a]).

² Эти трудности Аристотель разрешил допущением, что человек так «будет жить не в силу того, что он человек, а потому, что в нём присутствует нечто божественное» (Аристотель. Никомахова этика. [EN,1177b]).

выражение у Канта, для которого нравственный закон и практический закон суть одно и то же. Такое отождествление говорит многое не только о нравственности, которая является одной из важнейших категорий человеческой практики. Еще больше оно говорит о человеческой практике, внутренняя цельность которой определяется её нравственным стержнем.

Человеческая практика существует как сознательная деятельность. Сознательный характер не только сцепляет различные моменты (дискретные точки, звенья) деятельности субъекта и придаёт ей внутреннюю цельность, но и придаёт ей такой смысл, который выводит за собственные эмпирические границы в более широкую реальность. Сознательно-целесообразный характер человеческой деятельности означает, что действия начинаются с решений совершить их, которые принимает действующий индивид, в результате чего они становятся его действиями, и они управляются целями, которые этот же индивид ставит перед собой или признаёт своими, как если бы они были выражением его свободной воли. Сознательно-целесообразный характер человеческой жизнедеятельности делает каждого осуществляющего эту деятельность индивида автономным субъектом. Он оказывается таковым не в том смысле, что выпадает из причинных связей мира и объективной обусловленности того, что он делает, а в силу той несомненной очевидности, согласно которой он со своим сознанием входит в эту цепь причинно-обуславливающих отношений и выступает в качестве их итоговой точки, становясь тем самым ответственным (причинно-ответственным) за все свои совершаемые действия. Слово «ответственный» в данном случае нельзя рассматривать как признак самосознания (вторичную рефлексию): речь идёт о самом способе бытия человека, в силу которого он не может существовать без того, чтобы не действовать в качестве свободного (сознательно и целесообразно действующего) индивида. Можно даже выразиться более резко: само объективное бытие обрекает живого человеческого индивида на ответственное существование, на то, чтобы быть свободным.

Сознательно-целесообразный характер человеческой деятельности придаёт жизни каждого индивида такую внутреннюю архитектуру, которая выстраивается им самим и заключает в себе (нацелена) на более широкий и значимый смысл, чем сама его жизнь, как если бы она не ограничивалась его природными (физическими) границами и существовала ещё для чего-то другого. Сознательность жизни человеческого индивида и его бренность находятся в очевидном противоречии и ставят его перед необходимостью ответить на вопрос о смысле жизни (о том, для чего она ему дана). Ответить не в том смысле, что индивиды обязательно формулируют для себя такой вопрос и пытаются с разной степенью последовательности отвечать на него. Они отвечают на него фактом своего существования в качестве сознательных (разумных) существ, самими своими поступками, придавая собственной жизни смысл, не исчезающий вместе с её земным существованием. Эмпирическая картина того, в чем люди видят смысл своей жизни, является очень пёстрой, одни видят её в семье, в том, чтобы получить продолжение в детях, другие в том, чтобы прославиться, остаться в памяти потомков, третьи в надежде на личное бессмертие в потустороннем мире и т.п. Этот

смысл может иметь самые разные, в том числе эгоистические, иногда крайне уродливые формы, и может не всегда осознаваться самими индивидами, а когда осознаётся, то чаще всего в превратном виде, но тем не менее, он является неременной характеристикой человеческой жизни.

Во всех разнообразных ответах, по сути дела, речь идёт об отношении конечной жизни с более широким и долговечным миром, в который мы включены, о расширении значимых границ жизни за её собственные физические пределы. Если быть ещё более кратким, речь идёт о жизни для себя или для других. Так, например, Л.Н.Толстой считал, что в данном вопросе возможны три варианта [2, с. 18]³:

человек живёт а) для себя и семьи, б) для общества (народа, страны, человечества), в) для Бога, добавляя, что первые два ответа можно свести к одной общей им эгоистической основе. Если предметом теории является рассмотрение бытия человека с точки зрения объективности и полноты знаний, которые он может иметь о мире, то предметом практической (нравственной) философии является рассмотрение его бытия с точки зрения смысла (целей), который он должен реализовать в своём поведении.

Таким образом, предмет практической философии – сама практика человеческой жизни, реальная жизнедеятельность людей в той мере, в какой она имеет разумный, сознательный и свободный, характер, или, говоря по-другому, в какой она сама является философской. Можно сказать так: поскольку люди в своей реальной практической деятельности фактически отвечают (не могут не отвечать!) на вопрос, что такое человек для чего он живёт, и, отвечая на этот вопрос, они исходят (по факту, не обязательно осознанно) из определённого понимания смысла жизни, они являются практикующими философами, и мы имеем дело с предметом, который входит в компетенцию философии. И этот предмет существует реально, сам по себе и независимо от того, как его определяют, описывают те или иные философы и философствующие авторы.

4. Отдельным и не менее важным вопросом является вопрос о понимании практической философии в контексте современных вызовов. Речь идёт о бесконтрольном расширении понятия практической философии, когда оно вышло из своих изначально заданных берегов и разлилось в постоянно умножающееся число прикладных ответвлений. Описание того, что сегодня именуется прикладной философией, составляет отдельную, вполне самостоятельную, исследовательскую задачу; для наших целей достаточно ограничиться принципом перехода практической философии в прикладную, говоря точнее, основным направлением, в котором осуществляется такой переход. Этот переход, на мой взгляд, заключается в следующем: практика стала рассматриваться не как область свободы, которая является продолжением и выражением идеальных представлений человека, а как

³ «Смысл жизни твоей в твоём личном наслаждении, так как в этом назначение человека; или: смысл жизни твоей в служении той совокупности, которой ты считаешь себя членом, так как в этом твоё назначение; или: смысл жизни твоей в служении богу, так как в этом твоё назначение».

многообразная предметная деятельность, которая, хотя и осуществляется сознательно действующими людьми, но, тем не менее, протекает по своим строгим объективным законам. В философскую практику включаются не только области нравственных, эстетических, правовых, религиозных отношений, прямо связанные с определёнными сознательно выработанными и идеологически заявленными представлениями нормами, не только личностно выраженные педагогические и медицинские практики, словом, не только области духовного производства, которые традиционно были связаны с философией, но также все прочие, хозяйственные, экономические, управленческие, технологические и иные аспекты (сферы) современного материального производства, как если бы (или в той мере, в какой) эти последние зависели от субъективных установок включенных в них людей. Если для практической философии принципиальное значение имело выделение человеческого мира свободы как своего собственного предмета в отличие от природного (физического, внешнего) мира необходимости, то прикладная философия перешагивает, смазывает этот барьер. О том, насколько далеко зашёл этот процесс, свидетельствуют, например, то, что сегодня на философских кафедрах и факультетах нередко можно встретить программы, посвященные рекламному делу, государственному управлению, экологии и т.п.

5. Данные изменения в понимании практической философии являются реакцией (адекватной ли, приблизительной или вовсе искажённой – это другой вопрос) на изменения самой реальной практики, которая заключает в себе и воспроизводит другое понимание человека и смысла его жизни, чем это имело место в предыдущие эпохи. Речь идёт не просто об открывшихся колоссальных технологических возможностях, смертельных тревогах и опасностях последних десятилетий, а о более глубинных противоречиях нашей цивилизации. Последние десятилетия лишь более выпукло обнажили их. Суть же происшедшего сдвига наиболее точно схватил Маркс в своём тезисе, что «философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [3, с. 4].

Здесь не место детально вникать в этот тезис. Его суть, на мой взгляд, заключается в том, что кончилось время, когда философия могла соответствовать своему назначению, оставаясь объясняющим знанием, работающим с человеческим сознанием, когда она была теоретической, теперь она для этого должна стать практической. Ей предстоит преобразоваться не потому, что она раньше ошибалась, а потому, что изменился сам предмет, с которым она имеет дело, изменился человек, его реальное бытие. Тезис Маркса резюмирует историческую реальность, когда само бытие людей (мир) изменилось таким образом, что стало чуждым, враждебным людям, не поддаётся их контролю, и потому совершенно недостаточно апеллировать к их сознанию, чем в основном и занималась традиционно философия. Отношения между людьми вытеснены (заменены) вещными отношениями. В этих условиях философия уже не может рассчитывать на идеологический эффект, а только на научный, т.е., она из теоретической, апеллирующей к сознательности и доброй воле человека, должна трансформироваться в научную, опирающуюся на

строгие знания. Философии уже мало быть убедительной, она должна стать доказательной. Она имеет дело не с людьми малообразованными, наивными и мечтательными, которыми они, вероятно, были в предыдущие эпохи, а с вполне знающими, опытными и трезвыми, которые ещё до того, как попасть к философам, проходят суровую школу борьбы за выживание. Они стали такими не потому, что они повзрослели, а потому, что сама изменившаяся действительность выбила из них всё прежнее благодушие.

Хотя общественная практика и реализуется в ходе сознательных действий людей, она в целом складывается и развивается по объективным законам и приводит к результатам, которые противоречат их сознательным усилиям. Общественное бытие столь же объективно и неотвратимо, и столь же безразлично к человеческим благим желаниям и целям, как и законы природы. Оно складывается в результате сознательных действий миллионов и миллионов людей и в то же время не зависит от них, является бессознательным, объективным итогом их сознательных субъективных действий. Объективная и неотвратимая закономерная основа общественного бытия была скрыта в ранние эпохи за покровом личных отношений между людьми и их объединениями (сословиями). Она обнажилась с развитием экономических (капиталистических) отношений. Бытийная основа общественной жизни с её войнами, кризисами, нещадной эксплуатацией трудящегося большинства населения стала жёстким и жестоким фактом. Понятая таким образом практика может быть адекватно осмыслена науками, исследующими безличные, закономерные объективные процессы, но не философией, выступающей самосознанием индивида (личности) как разумного свободного существа. Она должна была уступить своё место наукам об обществе и со временем, как мы знаем, уступила своё место им: экономике, социологии, демографии и др. Практика остаётся доменом философии в традиционном (классическом, идущем от Платона и Аристотеля, Декарта и Спинозы, Канта и Гегеля) смысле и сохраняет свою структурное членение на теоретическую и практическую части только в той мере, в какой речь идёт об индивидуальном бытии, о таких пространствах и временных отрезках жизни индивидов, которые остаются в пределах их ответственного существования. Предмет практической философии в её традиционном понимании, когда она понималась как нравственная философия, сегодня совпадает (тождественна) ответственным поступкам живых индивидов. Что касается практики в широком плане, рассмотренной во всей полноте, совпадающей с общественным бытием, то здесь решающее слово принадлежит научному разуму, а не философскому разуму – экономике, социологии, демографии, лингвистике, психологии и др., а не эпистемологии, нравственной философии, философской логике.

На самом деле, сведение сознания и бытия к единству в качестве сторон (аспектов) человеческой деятельности и рассмотрение последней в качестве общественной практики придаёт философии совершенно новую перспективу. Это принципиально расширяет полномочия и сферу ответственности философского разума, в результате чего в качестве его субъекта рассматривается не отдельный индивид, а общество, как если бы последнее было единым организмом, и в этом

смысле придаётся всей философии практический характер. В то же время именно благодаря такому расширению пределов философского разума социальная философия ограничивается тем, что общественное бытие рассматривается в качестве единственной и последней реальности и тем самым обрезаются крылья философии, уносившие её в небеса. Она оказывается в ситуации, когда может стать практической только в качестве научной. Но став наукой, она перестаёт быть философией. Думаю, отсюда произрастают многие современные проблемы, возникающие вокруг философии, в том числе размытость её берегов и нескончаемые постсостояния.

6. Практическую философию часто сопрягают с прикладной философией, включая их в один тематический комплекс. Это – действительно новая и очень интересная интеллектуальная ситуация с точки зрения места философии в системе знаний. Философия когда-то считалась царицей наук. В частности, в начале европейского университетского образования философские факультеты охватывали все теоретические области знания, и математику, и физику и др. (отсюда и бытующая до сих пор в ряде западных стран традиция именовать всех учёных докторами философии). Сейчас, начиная, по крайней мере, с последней трети XX века, складывается нечто подобное, но уже применительно к новым прикладным областям (практикам) гуманитарной деятельности (в широком смысле, всякую общественную деятельность, поскольку она является деятельностью людей, можно назвать гуманитарной). Их все принято подводить под общую рубрику прикладной философии, хотя они по своему содержанию и профессиональному статусу больше принадлежат к соответствующим специальным областям деятельности, чем к философии. Особенно они далеки от философии в том, что касается методологии. В них прикладного больше, чем философии. Они опираются на эмпирические методы и нацелены на прагматические результаты в соответствующем локализованном производстве того или иного общественного продукта.

Это хорошо видно на примере прикладной этики, куда включаются десятки подразделов: биоэтика, этика управления, этика бизнеса, этика рекламы и т.д. Каждая из них требует специальной подготовки именно в той прикладной сфере, о которой идёт речь. И основная задача заключается не в развитии этики как области знания, а в том, чтобы способствовать более эффективному функционированию соответствующей прикладной сферы. И, как правило, когда речь идёт о прикладной этике, слово этика употребляется не в значении философской дисциплины, а в значении этоса (нравов, моральных установок) соответствующего фрагмента общественной практики. Само выделение многочисленных прикладных этик вызвано и оправдано потребностью целенаправленного использования мотивирующей роли морального фактора для более рациональной и эффективной организации соответствующего производства.

7. Прикладную философию следует отличать от того, что профессор В.К. Шохин называет философией родительного падежа [4]. Родительный падеж в данном случае является не только удачной метафорой, но и информативным термином: речь идёт о предметах, которые являются внешними по отношению к философии, но в то же время сохраняют саморефлективную связь с ней, обнаруживают потребность в

опоре на её понятия и методы. Таковы философии: политики, науки, хозяйства, образования, общества, морали, права и т.п., то есть, те ответвления философии, которые в своём предметном содержании замкнуты на отдельные области мира (человеческой деятельности, знания).

Философии родительного падежа нельзя относить к практической философии, прежде всего, по той причине, что в первом случае мы говорим о философии чего-то другого, а во втором – о самой философии (ведь практическая философия есть сама философия, ставшая практикой, бытием свободного разумного живого индивида). Но они, поскольку связаны с философией и в этом смысле относятся к ней, могут быть ближе к философии в том или ином (практическом или теоретическом) её аспекте. Например, философии, где в качестве родительного падежа выступают идеологические формы общественного сознания (мораль, религия, право, искусство), ближе к практической философии, так как они рассматривают разные проявления (формы) свободного волеизъявления личности. Ведь и сама философия как мировоззрение и образ жизни тоже является отчасти идеологией, даже тогда и, быть может, в особенности тогда, когда она критикует все её наличные формы. В отличие от этого, например, философия науки или образования, которые имеют дело с интеллектуальными сферами общественной жизнедеятельности индивидов, находятся ближе к теоретической философии. Существуют такие философии, как философия общества (социальная философия), философия политики, про которые нельзя сказать, к какому из её аспектов (практическому или теоретическому) они ближе. Хотя они и имеют дело с живыми индивидами, но рассматривают их действия не в их свободной индивидуально-личностной выраженности, а в массовых и, самое главное, объективных, закономерных (бессознательных) итогах, которые подобны природным процессам.

Уместно еще одно замечание в связи с тем, что в качестве родительного падежа рассматриваются конкретные науки: физика, химия, социология и др. Можно усомниться в корректности отнесения их к области философии, имея в виду, что та или иная область знания конституируется в качестве науки в той мере, в какой она эмансипируется от философии и опирается на свои собственные основания; в этом смысле можно считать верным тезис, согласно которому наука есть сама себе философия. Например, такие названия книг (говорю только о названиях), как «Архитектура как практическая философия», «Практическая философия интеграционной механики», «Экологический дизайн как практическая философия будущего» были бы уместны в рамках жанра, именуемого прикладной философией, но не практической философии в традиционном значении, идущем от Аристотеля и Канта.

8. Практическую философию следует отличать также от философской практики (*Philosophische Praxis*), – движения, инициированного немецким профессором Гердтом Ахенбахом и получившего широкое распространение в Германии, других западных странах. Оно охватывает философию в том виде, в каком она представлена в повседневной жизни в форме лекций, семинаров, кафе, салонов и т.п. и охватывает всех людей, размышляющих на философские темы. Она выделяет в качестве специального предмета размышления философов опыт их общения с

широкой публикой, которая не собирается систематически (в качестве учеников) изучать их учения, но, тем не менее, имеет определённый интерес к ним. Один из наиболее известных примеров такой философской практики в США и других западных странах, который получил распространение и в нашей стране – это философия для детей. Философская практика более прямо и органично связана с философией и, в особенности, с практической философией. Философы всегда искали выход на беседы и прямые обсуждения с людьми в их праздные часы. Уже античные философы наряду со школьными (эзотерическими) трудами создавали эзотерические сочинения для широкой публики. И в последующем на всех этапах существовала эта связь между профессиональной философией и философией для всех образованных и мыслящих людей. Эти традиции очень сильны в нашей стране, в которой пересечения философии с литературой были скорее нормой, чем исключениями. Кстати, также уместно вспомнить советский опыт партийного и комсомольского просвещения, методологических семинаров.

Здесь надо иметь в виду одну особенность, связанную именно с философией. Задача популяризации знаний стоит в качестве особой задачи перед большинством наук, так как они говорят о неочевидных (скрытых) вещах используются профессиональным языком, малопонятным для широкой публики. Философия, конечно, тоже имеет специальные технические термины (энтелехия, вещи в себе, апперцепция и др.), но, тем не менее, свои основные понятия (разум, сознание, бытие, истина, благо, долг, прекрасное, идея, справедливость и др.) она заимствует из живого естественного языка и реального общественного опыта. Она анализирует их, раскрывает сущность, внутренние связи, соединяет в целостные учения и уже в научно осмысленном виде возвращает в качестве организующей основы сознания живых индивидов. В этом смысле так называемая популяризация философии, её учений, а говоря точнее, постоянный разговор с людьми о собственных идеях и учениях является для философии важным элементом творчества, своего рода проверкой общественной значимости, а какой-то мере и истинности собственных теорий.

Проблемы практической философии, как бы расширительно они ни понимались и на какой бы научной базе они ни осмысливались, так или иначе, оказываются связаны с этическим измерением человека. Тем самым фактически признаётся то, чем на самом деле является практическая философия. Она, как уже говорилось, есть философия, имеющая своим предметом область свободы. Этим она отличается от теоретической философии, имеющей своим предметом область необходимости. И то, и другое входит в сознание, определяет сознательный характер бытия человека. Свобода есть то в человеке, что исходит от него самого и что он сам задаёт себе в качестве того, что он должен делать. За ней всегда маячит этика, проблема осмысленной жизни. Это составляет ядро практической философии, поэтому она так или иначе всегда упирается в проблему сознания и доброй воли. И сегодня тоже, но уже на новой основе в связи с перспективами наук о мозге и когнитивных наук.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4 / [Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура]. – М.: Мысль, 1984. – 830 с.
2. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 39. / Л.Н. Толстой. – М., Гос. изд. худ. литературы, 1958. – 300 с.
3. Маркс, К. Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М.: Госполитиздат. – Т. 3: [1845 – 1847. К. Маркс. Тезисы о Фейербахе. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. – Ф. Энгельс. Истинные социалисты; подгот. к печати И. И. Прейс и А. А. Уйбо], 1955. – 630 с.
4. Шохин В.К. Философия родительного падежа и междисциплинарные исследования: возвращение к дискуссии / В.К. Шохин // Эпистемология & философия науки, 2010. Т. XXVI № 4. С.53-62.

Guseinov A.A. Practical Philosophy: Answering on Modern Challenges // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2021. – Vol. 7 (73). – № 3. – P. 39–49.

The article is devoted to the explication of the concept and essential content of practical philosophy in the context of the historical and philosophical evolution of its problem field, as well as the actual challenges of modern philosophical thought. In the work, special attention is paid to the problem of the correlation of practical philosophy with theoretical, as well as with moral and applied philosophy and philosophical practice. The author also emphasizes that the subject core of practical philosophy is the area of freedom.

Keywords: philosophy, practical philosophy, contemporary challenges, applied philosophy.

References

1. Aristotel'. Sochineniya: v 4-h t. T. 4 [Essays] / [Per. s drevnegrech.; Obshch. red. A.I. Dovatura]. – M.: Mysl', 1984. – 830 p.
2. Tolstoj L.N. Polnoe sobranie sochinenij v 90 t. T. 39. [Complete Works] / L.N. Tolstoj. – M., Gos. izd. hud. literatury, 1958. – 300 p.
3. Marks, K. Sochineniya: v 30 t. [Essays] / K. Marks, F. Engel's. Izd. 2-e. – M.: Gospolitizdat. – T. 3: [1845 – 1847. K. Marks. Tezisy o Fejerbahe. K. Marks i F. Engel's. Nemeckaya ideologiya. F. Engel's. Istinnye socialisty; podgot. k pechati I.I. Prejs i A. A. Ujbo], 1955. – 630 p.
4. Shohin V.K. Filosofii roditel'nogo padezha i mezhdisciplinarnye issledovaniya: vozvrashchenie k diskussii [Philosophy of the Genitive Case and Interdisciplinary Research: Returning to the Discussion] / V.K. SHohin // Epistemologiya & filosofiya nauki, 2010. T. XXVI № 4. P.53-62.

Сведения об авторе

Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов – доктор философских наук, профессор, Академик РАН, г. Москва, научный руководитель Института философии РАН. E-mail: guseynovck@mail.ru.

Abdusalam Abdulkarimovich Guseinov – Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Scientific Director of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. E-mail: guseynovck@mail.ru.